

Шэнь Синлань проигнорировал этот вопрос, скрестил руки и некоторое время молча размышлял, после чего произнес:

— Задам тебе один вопрос.

96 решило на этот раз ответить честно, чтобы немного сблизиться с носителем, и искренне сказало:

— Спрашивайте.

Шэнь Синлань потрогал себя за подбородок, рассеянно потирая сережку в ухе:

— У тебя умирал отец?

96:.....

А?

Задать системе такой вопрос — ты вообще в своем уме?!

Шэнь Синлань погрузился в собственные мысли и вовсе не видел ничего странного в этом вопросе. Он шагнул вперед, устремил взгляд на надгробную плиту и отключился от внешнего мира, позволяя душе покинуть тело.

В этот момент он больше не был собой, но еще до конца не отделился от оболочки, наблюдая со спокойной, беспристрастной точки зрения за самыми искренними реакциями этого тела.

Пустота, тоска, обида, ностальгия, бессилие — все эмоции хлынули наружу разом.

Словно ребенок, который долго метался на чужбине и не мог найти дорогу домой, наконец-то смог заплакать, припав к могильной плите, и его душа ступила на путь возвращения.

Шэнь Синлань инстинктивно попытался что-то укусить, шевельнул пальцами и, нащупав пустой карман, только тогда сообразил, что это не его собственное тело.

И именно из-за этого маленького движения все лавинообразные эмоции вмиг схлынули, словно их никогда и не было.

Внезапно зазвонивший телефон разорвал эту тишину, окончательно возвращая Шэнь Синланя в реальность.

На экране высветилось «Мама».

Шэнь Синлань ответил на вызов, и из динамика донесся слегка прохладный женский голос:

— Ты где?

Небо уже потемнело, вечерняя дымка окрасила горизонт в красивый красновато-оранжевый оттенок, похожий на пролитый апельсиновый сок. Уставшие птицы возвращались в леса, а ряды надгробий отбрасывали длинные тени, безмолвно вглядываясь в юношу.

Шэнь Синлань коротко и тихо усмехнулся:

— Разве вы, задавая этот вопрос, уже не знали ответа?

Хэ Шу никогда так не разговаривал с матерью. Он был угрюм, как неразговорчивый горшок, и держал все эмоции в себе до того самого момента, пока они не взрывались, а вместе с ними подходил к концу и его жизненный путь.

Даже цветы ночного цецереуса жили дольше, чем он.

Какой же он жалкий бедняжка, подумал Шэнь Синлань, хорошо хоть встретил его.

Мать Хэ, судя по всему, задел этот холодный тон, и она слегка нахмурилась:

— Подумаешь, часы сломались, разбились и ладно, ты-то в кладбище зачем поперся?

Шэнь Синлань ответил монотонно и безжизненно:

— А зачем еще люди ходят на кладбище, кроме как к мертвецам?

Получив отповедь два раза подряд, когда сказанное звучало почти бессмысленно, мать Хэ почувствовала зарождающееся легкое раздражение, но тут же силой подавила его:

— Я уже договорилась с Сяо Лю, он заберет тебя.

Шэнь Синлань холодно бросил:

— Я уже почти взрослый, сам могу решать такие мелочи.

На том конце провода воцарилась тишина. Секунд на несколько повисло молчание, после чего дыхание матери Хэ стало чуть тяжелее:

— Голос прорезался?

С самого начала звонка мать Хэ неизменно говорила в приказном, вопросительном тоне. Было очевидно, что в обычной жизни мать и сын почти не общались, и их отношения были крайне натянутыми.

Именно поэтому они так легко и естественно выбрали Хэ Юя, и даже когда Хэ Шу, изгнанный из дома, умер, она узнала об этом последней.

Шэнь Синлань поднял голову к небу. Последняя полоска света на далеком горизонте отчаянно цеплялась за линию земли, напоминая догорающий фитиль свечи.

Он вдруг вспомнил, что в полученной им сюжетной линии Хэ Шу умер точно так же — тихим вечером.

В момент ухода из этого мира Хэ Шу собственной рукой написал предсмертную записку: Рассвет на исходе, предай меня ветру.

Предай меня, ветру. Интересно, жил ли маленький Хэ Шу в следующей жизни так же свободно и безудержно, как ветер?

Когда последний луч света померк и исчез, Шэнь Синлань легко соскочил со ступеней и, закончив говорить, небрежно сбросил вызов:

— Можете считать, что так оно и есть.

За воротами кладбища Сяо Лю уже давно ждал. Место было глухим, Хэ Шу приехал на его машине, и Сяо Лю, сидя внутри, места себе не находил от беспокойства. Заметив, наконец, выходящего Хэ Шу, он тут же бросился навстречу:

— Третий молодой господин, госпожа велела мне отвезти вас домой.

За те несколько шагов, что отделяли могилу отца Хэ от выхода с кладбища, мать Хэ успела позвонить ему трижды.

То ли ему показалось, но до входа на кладбище состояние Хэ Шу было еще сносным, а вот после поминок по отцу он выглядел каким-то притихшим и подавленным.

Уголки глаз Шэнь Синлани были слегка покрасневшими — если не присматриваться, и не заметишь. Он молча распахнул дверцу машины и сел внутрь. Свет плафона слабо отражался на его профиле, очерчивая линии, похожие на изгиб молодого месяца.

Сяо Лю украдкой бросал на него взгляды через зеркало заднего вида, искренне переживая за его состояние.

Юноша поднял руку и легко прижался пальцами к переносице, словно чувствуя себя нехорошо. Он сжался в комок, обхватив колени руками:

— Можно перед тем, как ехать домой, заехать к бабушке?

Старшая госпожа Хэ жила в пригороде, в поместье площадью в две тысячи пинов. Время от времени она собирала у себя младшее поколение составить ей компанию, но после смерти сына почти перестала выходить из дома, целыми днями читая буддийские сутры и соблюдая пост.

Главная резиденция семьи Хэ находилась совсем рядом с кладбищем, и они все равно проезжали мимо нее по дороге домой.

Услышав это, Сяо Лю замялся:

— Госпожа ждет, если мы заедем к госпоже, боюсь, будет слишком поздно, и мы побеспокоим ее стариковские покои?

На словах это звучало как забота о покое старушки, но на деле Сяо Лю боялся, что из-за заезда к ней они слишком поздно вернутся и ему влетит от матери Хэ.

Три звонка подряд ясно давали понять, что дома наверняка произошло что-то серьезное.

Боковым зрением Сяо Лю косился на зеркало заднего вида, испытывая внутреннее колебание. Человек на заднем сидении тихо выслушал его слова и с горькой усмешкой приподнял уголки губ:

— Отца у меня больше нет, а теперь, оказывается, и права навестить бабушку меня тоже лишили?

Сам того не желая, он поднял потухший взгляд, и этот мимолетный взгляд заставил сердце Сяо Лю сжаться, напомнив ему о разбитой стеклянной пиале.

В конце концов, ему всего семнадцать лет, он всю жизнь прожил в башни из слоновой кости, а теперь в семье случилось такое страшное несчастье. Он просто хочет навестить бабушку, и

если даже в этой малости ему отказывают, то это поистине...

Сяо Лю мысленно наградил себя крайне жестким эпитетом, после чего резко выкрутил руль и направил машину в сторону родовой резиденции семьи Хэ.

В поместье семьи Хэ старшая госпожа Хэ как раз слушала театральное представление в саду. Беседка, извилистые крытые галереи, загнутые кверху коньки крыш — артисты в длинных рукавах пели нежными, звенящими голосами.

Когда слуга явился с докладом, дремавшая в деревянном кресле-качалке старушка резко открыла глаза. Четки выскользнули из ее рук и рассыпались по земле.

Пришедший наклонился, чтобы собрать их, и повторил:

— Третий молодой господин пожаловал.

<http://bllate.org/book/26521/3174725>